

УДК 930.2/94 (47) «19»

В статье рассматривается сущность понятия имагология и его применение в историческом исследовании. Изучаются возможности использования методов имагологии в отношении образа Советской России/СССР в среде русской эмиграции. Дано обоснование и специфика применения имагологии в отношении данной проблематики.

Ключевые слова: отечественная история; имагология; русская эмиграция; Советская Россия; СССР.

The article considers to the essence of the notion of imagology and its application in historical research. The study investigated the possibility of using methods of imagology in researching of Soviet Russia's (USSR) image among the Russian emigration. The author gives the substantiation and notes specifics of using imagology in this case.

Keywords: soviet history; imagology; Russian post-revolutionary emigration; Soviet Russia; USRR.

А. В. Урядова

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

E-mail: koukouch@mail.ru

Возможности использования имагологии для изучения образа Советской России (СССР) в среде русской эмиграции

Научная статья

A. V. Uriadova

P. G. Demidov Yaroslavl State University

E-mail: koukouch@mail.ru

The Possibility of Using Imagology for Studying the Soviet Russia's (USSR) Image Among the Russian Emigration

Scientific article

Взаимодействие народов, социумов, культур приводит к формированию в общественном и индивидуальном сознании образа представителей иной культуры. Особое методологическое значение для таких исследований имеет имагология (от лат. *imago* - образ), сложившаяся на стыке литературоведения, социальной, исторической психологии, истории, культурологии, этнологии, антропологии [1, с. 126]. Несмотря на обилие работ, появившихся в последнее время, понятие имагологии до сих пор четко не определено. Ее относят то к научной дисциплине, то к отдельному направлению исследований в рамках других наук, то к особому научному подходу.

Отсутствие четкого определения термина имагология связано с различной трактовкой и неопределенностью ее предмета, объекта, задач исследования. Одни исследователи связывают их с законами создания, функционирования и интерпретации образов «других», «чужих», инородных для воспринимающего объекта, проводя анализ

источников с целью обобщения и выявления в них внутри национального сознания общих представлений о внешних объектах. Другие – со сферой представлений и образов, существующих в рамках определенных культур для отражения и классификации окружающей действительности (в зависимости от исследовательской традиции или личного выбора). О. Ю. Поляков трактует задачи имагологии как анализ образов других народов, происхождения, содержания этих образов и их исторической изменчивости [2, с. 9].

О. С. Поршнева указывает на то, что имагология изучает не только географические образы, но и этнические стереотипы. При этом она акцентирует внимание на проблемах инаковости и культурных различий, так как именно на их основе возникают образы, отличающиеся полнотой, гибкостью, эмоциональной составляющей; они включают в себя, как правило, личный опыт и возникают в индивидуальном порядке, а не передаются готовыми [1, с. 128]. А. С. и Е. С. Сенявские зада-

чей имагологии называют выявление истинных и ложных представлений о жизни других народов, стереотипы и предубеждения, существующие в общественном сознании, их происхождение и развитие, общественную роль и эстетическую функцию в художественном произведении... Имагология, пишут они, изучает образы, картины чужого мира [3, с. 59–60]. Это, пожалуй, наиболее широкое определение поля деятельности имагологии.

Историческая имагология актуализирует проблемы формирования и бытования национальных и инокультурных образов в сознании социальных и этнических общностей, отдельных индивидов и групп, стереотипы восприятия окружающего мира, существовавшие в прошлом, и ориентирована на конкретно-исторический анализ фоновых представлений, транснациональных образов, стереотипов мышления, мифов, действующих на нормативном уровне в той или иной национально-государственной среде [4, с. 23].

Как отмечают некоторые исследователи, постепенно происходит смещение акцентов от изучения «другого» к изучению «чужого». Е. В. Папилова считает бинарный концепт «свои-чужие» основополагающим для имагологии [5, с. 31]. По мнению М. Бойцова, в последнее время в исторической имагологии произошел переход от описания отдельных образов к рассмотрению каждого подходящего случая через призму «образа Чужого», что привело даже к выделению особого направления – аллологии [6, с. 6].

Такая трактовка предмета имагологии сужает ее научное поле и не является обоснованной. Замечено, что в периоды кризисов как отдельные индивидуумы, так и страны в целом ищут в противоположенной стороне недостатки, несоответствия собственным представлениям. Однако при примирении, налаживании конструктивных взаимоотношений полюса восприятия меняются, образы трансформируются. Вероятны разные варианты – как «ложка дегтя в бочке меда», так и наоборот: образ Советской России в эмиграции – не только образ большевиков, Советов, врагов, разрушенных церквей, но и образ Родины, родных и близких, оставшихся там, русской культуры, сохраняемой русской интеллигенцией.

Целью данной статьи является обоснование возможности использования методов имагологии в изучении образа Советской России (СССР), сформировавшегося в среде русской эмиграции. Данный

предмет изучения не характерен для имагологии, поскольку речь идет не о представителях разных наций, народностей, стран. В этой связи необходимо аргументировать возможность применения методов имагологии в отношении эмиграции.

Во-первых, вопросы о предмете, объекте и задачах исследования имагологии остаются открытыми. С учетом того, что некоторые исследователи к сфере имагологии относят и взаимовосприятие представителей различных культур, проблема эмиграции вполне вписывается в такой подход.

Во-вторых, привязка большинства исследований к термину «нация» также весьма относительна, поскольку и этот термин на сегодняшний день четко не определен. А. Р. Ощепков апеллирует к Х. Дезеринку, который указывал, что нация не есть реально существующая общность, но всего лишь ментальная конструкция, «временная модель мышления», тем самым поставив под сомнение объективное существование наций, а значит, и национальной идентичности. А. Р. Ощепков указывает, что в трактовке имагологов нация – не есть идентичность (сущность), но идентификация (то есть отношение, отождествление себя с определенными мифами, интеллектуальными конструктами). Имагология исследует иматипические структуры, то есть те ментальные модели, которые служат основой идентичности и самоидентификации [7, с. 252]. Это скорее идентификация с определенными культурными явлениями, характерными для группы людей в силу различия их убеждений. Такой подход целесообразно применить в отношении эмиграции: русские эмигранты (по своей этно-национальной принадлежности они могли и не быть русскими) как противоположность *homo soveticus*. Они не вписывались в существующие системы, воспринимали себя изгнанниками, а мир вокруг – «чужим». Формирование образа «другого» происходит на фоне и в контексте формирования автостереотипов, то есть представления о самом себе. Такая «отстройка» от всего советского объединяла мигрантов в единое целое, в уникальный социум – Зарубежную Россию, Россию № 2. Как пишет Т. А. Болдова, имагология исходит из того, что каждая «мы-группа» не только является дискурсом для осознания собственной идентичности, но и дискурсом для узнавания «чужого» [8, с. 115].

В-третьих, как указывает С. И. Посохов, границы систем «мега- макро- микро- и суб- мик-

рообобщностей» подвижны и размыты настолько, «что порой можно сомневаться в наличии объекта исследования». Это относится и к структуре этнической идентичности: размывание идет, с одной стороны, за счет противопоставления «мы», то есть этнического «мы», неэтническому, с другой – путем слияния идентичности этнической и гражданской [9, с. 295; 10]. Что еще раз подтверждает возможность обращения к эмиграции в рамках имагологии.

Восприятие зависит от множества факторов, имеющих определенную соподчиненность. Условно это явление можно отразить в виде упрощенной схемы: субъект, объект, обстоятельства восприятия, смысловое наполнение формируемого образа [3, с. 58]. Субъектами восприятия могут быть государственные структуры, группы населения, конкретные люди. Можно говорить о некоем стереотипичном образе Советской России в среде эмиграции в целом и специфическом восприятии ее отдельными партиями, соотечественниками, проживающими в разных странах, известными деятелями и т. д. Однако надо отметить и особенности русской эмиграции как субъекта восприятия.

При изучении образа Другого исследователи часто выделяют в качестве таргет-группы элиты в связи с их лучшей информированностью и взаимодействием с элитами других стран, а следовательно, с несколько иным имиджем, отличным от представлений широких масс [11, с. 39], что вполне справедливо и по отношению к русским, проживавшим за рубежом. В отличие от традиционных национальных элит они могли влиять только на самих эмигрантов, но не на политику. Прямая зависимость, на которой акцентируют внимание исследователи элит принимаемых государственных решений в отношении объекта восприятия, от сложившихся представлений о нем отсутствует.

Сам объект восприятия может быть целостным (страна и народ в целом) и дифференцированным. В частности, в изучаемом сюжете это может быть образ советской власти, советской политики (внутренней, внешней), культуры, права и т. д. В этой связи уместно говорить о применении методов потестарной, политической, правовой имагологии в изучении данной темы.

На субъекты восприятия влияет ряд факторов, связанных с социально-психологическими процессами, культурно-исторической памятью и наследием, конкретной общественно-полити-

ческой ситуацией, жизненным опытом и мировоззрением отдельных людей. Образ складывается под влиянием прошлого и настоящего.

Влияние прошлого на сознание эмиграции очевидно. На ее восприятие Советской России и советской политики воздействовала не только политическая ангажированность, но и предвзятость. Дореволюционная история, культура, традиции, равно как и то настоящее, в котором они жили, безусловно, накладывали отпечаток на их сознание. Так, например, несмотря на резко негативное отношение к Сталину, его рассматривали как собирателя прежних территорий Российской империи (в положительном ключе). В период советско-польской войны 1918 г. некоторые эмигранты испытывали затруднения в выборе позиции: с одной стороны, они были против Советов и всячески желали им поражения, с другой стороны, традиционные имперские интересы России подталкивали их к занятию антипольской позиции. Что касается настоящего, то здесь также влиял ряд обстоятельств: эмоциональный фон и настрой, длительность пребывания вне родины, наличие информации, ее объем, точность и достоверность, политика стран проживания эмигрантов.

Принято считать, что первые впечатления наиболее яркие, непосредственные, не подвергшиеся наслоениям и корректировке более поздних периодов. В начале 1920-х гг. эмиграция оценивала российские события не столько рационально, сколько эмоционально, пребывая под впечатлением личных переживаний и потрясений первых лет революции и Гражданской войны. Отсюда – и отношение большинства эмиграции к Советской России как явлению временному, не имеющему под собой исторической базы, сознательное упрощение происходящего, недооценка глубины политических и социально-экономических изменений, не только их неприятие, но и непонимание.

Чем активнее взаимодействие между объектом и субъектом восприятия, тем ярче, насыщеннее, конкретнее, детальнее будет образ. В отсутствии информации (достоверных сведений) образ Советской России в восприятии эмиграции являл собой наслоение реальности и преувеличений, домыслов, иногда доведенных до абсурда. В карикатурах начала 1920-х гг. главная ассоциация с Советской Россией – нищета и голод; некоторые фельетоны вызывают даже отторжение: настолько

неприятный в них образ Советской России. Для представлений эмиграции характерно то, что Н. А. Ерофеев называет элементом априорности: «Создав на основе каких-то частных наблюдений образ другого народа, мы затем уже «подгоняем» под него все остальные впечатления и наблюдения» [12, с. 237]. Возникший в среде эмиграции в 1920-х гг. стереотип СССР практически не изменялся, а лишь дополнялся реальными или вымышленными фактами, подтверждающими его.

Безусловно, образ Советской России формировали далеко не все происходящие события, а лишь те, которые вписывались в шаблон или вызывали наиболее бурный эмоциональный отклик широких слоев эмиграции. Так, например, ситуация в Русской Православной Церкви была глубоко личной для каждого эмигранта и сформировала образ «страны безбожников», тогда как партийными разногласиями большевиков интересовались единицы.

Под влиянием прошлого и настоящего в эмиграции складывались свои критерии, своя шкала оценок (как объективных, так и абсолютно субъективных). Некоторые авторы, например И. Бунин, отказывались печатать произведения даже в эмигрантской прессе, издававшейся «на новом русском», поскольку использование нового стиля в русском языке считалось частью эмиграции большевизанством.

Исследование механизмов формирования образа носит не только теоретический, но и практический, прикладной характер, так как позволяет выйти за рамки исторической имагологии, способствует развитию имиджологии и имиджмейкинга.

Обратимся теперь к наполнению самого образа. Исследователи выделяют в нем три группы элементов (с некоторыми вариациями): эмоционально-чувственные (чувственные образы, восприятия, переживания, эмоциональные реакции, аффекты, волевые импульсы, желания, эмоциональные комплексы, фобии, фиилии, мании), когнитивные (обобщенные представления, понятия, нейтральные суждения, нормы, мнения, предписания), имагинативно-фантазийные (придуманые фантастические образы, верования, утопические идеи, иррациональные предписания, идеализации) [13, с. 14]

Изменение советской политики могло приводить к трансформации взглядов отдельных эмигрантов, однако, если брать эмиграцию как социум

в целом, образ Советской России, СССР оставался отрицательным и малоподвижным. Как бы ни старался носитель имиджа (СССР) повлиять на свое восприятие в среде русской эмиграции, это скорее вызывало обратную реакцию и отторжение. Причиной устойчивости образа СССР в среде российской эмиграции является глубинное противоречие, конфликт, противостояние. Оно кроется в самом факте эмиграции, то есть оставлении Родины по определенным причинам. Поэтому образ Советской России (СССР) в ее среде является устойчивым негативным стереотипом, под влиянием которого сложилась имагема «образ врага». Последняя по своему происхождению нетипична. В отношениях стран и народов «образ врага» формировался в связи с внешней политикой и под влиянием интересов власти и элит. В среде эмиграции в его основе лежали внутренние социокультурные, идеологические, психологические причины, связанные с сообществом в целом.

Возвращаясь к устойчивости образа СССР, отметим парадоксальный факт: наиболее серьезные изменения произошли под влиянием Второй мировой и Великой Отечественной войн. Парадокс заключается в том, что традиционно война является высшей степенью проявления «образа врага» в восприятии воюющими сторонами друг друга. В среде русской эмиграции наблюдаются более сложные и неоднозначные процессы: происходит поляризация взглядов, появляются два противоположных полюса (пораженцы и оборонцы). Имелись случаи принятия советского гражданства и реэмиграции.

Изменение образа большевистской России привело к определенным действиям. По мнению У. Липпмана, образы, созданные людьми, управляют их поступками [14]. Изучение восприятия важно не только само по себе, но и в силу его влияния на дальнейшие поступки не только субъектов, но и объектов восприятия. Эмигранты следили за событиями в СССР как с точки зрения обычного человеческого интереса, так и с позиций возможности использования момента для смены власти и возвращения в Россию. В свою очередь, антисоветские публикации в русской зарубежной прессе могли стать поводом для начала травли людей, оставшихся на родине, и тех, кто когда-то был связан с эмиграцией, что, в свою очередь,

позволяет утверждать, что стереотипы способны к взаимному отражению: представление эмиграции об СССР косвенно влияло на представления советских граждан об эмиграции.

Имагология позволяет изучить не только объект восприятия. Процессы рецепции и оценки характеризуют и воспринимающий субъект, поскольку отражают его самосознание и собственную систему ценностей [5, с. 31]. Как указывал Н. А. Ерофеев, складывающиеся образы носят двойственный характер: они отражают не одну, а две реальности, два народа – и тот, чей образ формируется в сознании другого народа, и тот, в среде которого эти представления складываются и получают распространения [12, с. 21]. Какой образ СССР складывался в среде русской эмиграции, характеризует скорее Россию № 2, а не Советскую Россию.

Россия в разные периоды своей истории была объектом пристального внимания со стороны народов, правительств, выдающихся деятелей разных стран, в том числе в контексте имагем «свой»–«чужой»–«враг». Анализ соответствующих работ по имагологии (на основе данных электронной библиотеки *elibrary*) позволяет констатировать интерес российских исследователей к этой проблематике, притом что ни один из авторов не рассматривает в качестве воспринимающего субъекта эмиграцию.

Ссылки

1. Поршнева О. С. Историческая имагология в современной российской историографии // Урал индустриальный. Бакунинские чтения: Индустриальная модернизация Урала в XVIII–XXI вв. XII Всероссийская научная конференция, посвященная 90-летию Заслуженного деятеля науки России, доктора исторических наук, профессора Александра Васильевича Бакунина. Екатеринбург, 2014. С. 126–129.

2. Поляков О. Ю. Имагология в междисциплинарном научном пространстве // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2008. Т. 2, № 4. С. 8–10.

3. Сенявский А. С., Сенявская Е. С. Историческая имагология и проблема формирования «образа врага» (на материалах Российской истории XX в.) // Вестник РУДН. Серия «История России». 2006. № 2 (6). С. 54–72.

4. Журавлева В. И. Образ России в общественно-политическом дискурсе США: международные и внутривластные аспекты (1880–1910 гг.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2013. 61 с.

5. Папилова Е. В. Имагология как гуманитарная дисциплина // Вестник МГГУ им. Шолохова. 2011. № 4. С. 31–40.

6. Бойцов М. А. Что такое потестарная имагология? // Власть и образ: Очерки потестарной имагологии. СПб.: Алетейя, 2010. С. 5–37.

7. Ощепков А. Р. Имагология // Знание. Понимание. Умение. 2010. № 1. С. 251–253.

8. Болдова Т. А. Компаративистская имагология // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2006. № 14. С. 114–115.

9. Посохов С. И. Новая локальная история и проблема восприятия/понимания «чужого»: локус глазами путника. URL: <http://www.newlocalhistory.com/content/posohov-si-eticheskie-problemy-istoricheskoy-imagologii> (дата обращения: 15.06.2015).

10. Ходячих С. С. «Angli» vs «Normanni»: проблемы и парадоксы англо-норманского взаимовосприятия // Диалог со временем. 2012. № 39. С. 295–308.

11. Тимофеев Д. Н. Использование принципов имагологии в историческом исследовании на примере изучения образа Швеции в общественной мысли России первой четверти XVII – начала XIX вв. // Вестник МГОУ. Серия «История и политические науки». 2012. № 12. С. 37–41.

12. Ерофеев Н. А. Туманный Альбион. Англия и англичане глазами русских, 1825–1853. М.: Наука, 1982. 322 с.

13. Левшин А. С. Образ Англии как категория исторической имагологии // Ученые записки Орловского государственного университета. 2014. № 2 (58). С. 11–14.

14. Lippmann W. Public Opinion. N.-Y.: The Free Press; L., 1965. 272 p.